

УДК 80

**ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОТРАЖЕНИЯ ЭВОЛЮЦИИ
ЖИЗНЕННЫХ УСТАНОВОК ПРОТАГОНИСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕСЫ Б. ШОУ «ПИГМАЛИОН»)**

В. А. Трофимова

*Соискатель,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Ростовская область, Россия*

**LINGVOSTYLISTIC MEANS OF THE REFLECTION OF PROTAGONIST'S
LIFE PRIORITIES (BASED ON "PYGMALION" BY B. SHAW)**

V. A. Trofimova

*Postgraduate student,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Rostov region, Russia*

Summary. The article deals with the reflection of the connection between the ways of individual's manner of speaking and the process of his life values' changing. It offers the analysis of the usage of lexical and grammatical means in different periods of the protagonist's life. Special attention is paid to lexical ways of the protagonist's speech representation. The article gives information on the great variety of the vocabulary and its functioning as an indicator of the protagonist's speech developing. Connotative meaning of the lexical units, the ways of its manifestation in the text and its role in the protagonist's representation are closely considered.

Keywords: moral values; expressive means; vocabulary; grammatical structures.

Отражение эволюции жизненных ценностей героев является одной из ключевых тем художественного дискурса писателя, и пьеса Б. Шоу «Пигмалион» не является исключением. Можем ли мы говорить о рождении новой Элайзы Дулиттл? Этот вопрос волнует уже не одно поколение исследователей.

Эксперимент, проведенный профессором Хиггинсом, разделяет жизненный путь Элайзы на два этапа. Сопоставление этих двух жизненных отрезков позволяет описывать художественные приемы и методы отражения личностного развития героини в пьесе.

Чтобы установить его реализацию, предлагаем провести анализ как описанных событий, так и лингвокультурологической модели текста в целом, так как художественное произведение не может представлять собой беспристрастное, объективное изложение происходящего. Это объясняется тем, что текст, прежде всего, – материал, отражающий замыслы автора и содержащий компоненты авторского воздействия. Таким образом, лингвокультурологический текст – это «носитель усложненной эстетической информации» [7, с. 39], которая создается через функционирование языковых

механизмов. Процесс взаимодействия композиционного и смыслового компонентов с лингвистическими средствами может осуществляться на всех языковых уровнях.

Анализ состояния Элайзы позволяет установить состав лексических средств, непосредственно репрезентирующих ее личность.

Эксплицитные способы репрезентации личностных характеристик Элайзы с помощью лексических средств здесь тесно связаны с морфологическими, так как все лексемы, указывающие на черты характера, выражены качественными прилагательными: *respectable, good, silly, poor, common, ungrateful, deliciously low, horribly dirty, ignorant, unhappy, natural, independent, free, attractive, naturally affectionate*. До эксперимента Элайза признает свое трудное материальное положение, но заявляет о своих высоких моральных качествах, в то время как общество уже причислило ее к бедным и необразованным слоям и ее моральные качества членов этого общества вовсе не интересуют. На это указывают следующие определения: *respectable, silly, poor, ungrateful, wicked, deliciously low, horribly dirty*.

I am a respectable girl... [4, с. 11]. Don't I look silly? [4, с. 39]. So cheer up, Captain; and buy a flower off a poor girl [4, с. 10]. She's so deliciously low – so horribly dirty – [4, с. 23]. You're an ungrateful wicked girl [4, с. 26].

После эксперимента в сознании девушки появляются два ключевых момента: твердое противостояние внешнему миру и неудовлетворенность жизнью, что представлено в тексте следующими лексемами:

I know I'm a common ignorant girl, and you a book-learned gentleman [4, с. 80]. ... but I owe so much to you that I should be very unhappy if you forgot me [4, с. 72]. I only want to be natural [4, с. 80]. Now you are free and can do what you like [4, с. 61].

Интересно, что героиня почувствовала себя несчастной именно в момент обретения того, к чему так стремилась. Отношение к ней высшего класса также претерпело некоторые изменения. В первых, этому поспособствовал ее новый внешний облик.

...but when you're all right and quite yourself, you're what I should call attractive [4, с. 61].

Во-вторых, лексема *free* в последнем примере дает нам понять, что представители высшего сословия почувствовали в ней независимость и духовную силу.

Особенностью данного произведения является широкое использование коннотативной лексики, отличающейся разнообразием и включающей несколько подгрупп. Одной из таких подгрупп является сниженная лексика, нашедшая широкое применение в пьесе. Нарушая баланс литературного произведения, сниженная лексика наиболее сильно воздействует на читателя и наиболее точно и кратко выражает мысль: *draggletailed guttersnipe, damned silly, heartless guttersnipe, fool, common idiot*.

I shall make a duchess of this draggletailed guttersnipe [4, с. 24]. ...and damn my own folly in having lavished MY hard-earned knowledge and the treasure of my regard and intimacy on a heartless guttersnipe [4, с. 63]. It's all you'll get until you stop being a common idiot [4, с. 81].

Учитывая, что подобные примеры сниженной лексики используются и до, и после преобразования Элайзы, можно сказать, что отношение к ней представителей высшего света, в частности

профессора Хиггинса, не изменилось. А эволюция восприятия Элайзы самой себя отражается в репликах, представляющих ответную реакцию на оскорбительное обращение к ней.

Эволюция моральных принципов Элайзы состоит не столько в их постепенном развитии, сколько в их самоутверждении. Каждому оскорблению в ее адрес противопоставляется ее собственный взгляд на свою индивидуальность. До полного преобразования ее возражения против такого пренебрежительного отношения звучат крайне неубедительно. Многие из них, будучи взятыми отдельно, звучат вполне нейтрально.

I should look all right with my hat on [4, с. 39]. Ah-ah-ah-ow-ow-oo! [4, с. 24].

После проведенного эксперимента девушка не только оказывается психологически подготовленной защищаться от жестоких оскорблений окружающих, но и приобретает лингвистическую основу (достаточный по объему вокабуляр и грамматические структуры) для осуществления новой для нее прагматической роли – речевой агрессии, выступая с обвинениями, адресованными ее обидчику. Это выражается в многочисленном употреблении местоимения «you» в синтаксической функции подлежащего и позволяет сменить тактику ведения разговора, а именно перейти от защиты к нападению. Таким образом, Элайзе удается повернуть разговор в другое русло, направить его на анализ личности профессора Хиггинса, противопоставить его себе.

Oh, you are a cruel tyrant. I can't talk to you: you turn everything against me: I'm always in the wrong [4, с. 81]. Yes: you turn round and make up to me now that I'm not afraid of you, and can do without you [4, с. 82].

Не только сниженная лексика в адрес главной героини может вызвать ее возмущение, в котором отражаются ее моральные ценности, прежде всего самоуважение, но и стилистический прием замены нейтрального словосочетания резким, грубым, с явной коннотативной окраской – дисфемизм: *keep her in the gutter, throw her out of the window, take her out of the gutter, pick out of the mud, relapse into the gutter*. Дисфемизм вуалирует высказывание, отмечается при этом на имплицитном уровне доминирование отрицательной коннотации. Порой

читатель придает больше значения самой негативной окраске и извлекает из нее больше информации, нежели из самого смыслового компонента.

Языковые средства, используемые героиней в ответ на оскорбления, отражают ее способность противостоять жестоким законам общества. Лишь в одной реплике, взятой из финального диалога пьесы, мы наблюдаем соответствующую реакцию девушки, характеризующую ее как уверенную в себе и своей правоте личность.

No: Not now. Never again. I have learnt my lesson [4, с. 74].

Последовательность трех отрицаний, неполных предложений, которые призваны выразить самую суть высказываний без лишних деталей, отсутствие каких-либо вводных или вставных конструкций, смягчающих эффект резких грамматических и синтаксических форм, свидетельствуют о том, что Элайза предпочитает звучать категорично и бескомпромиссно.

Особое место в пьесе занимают лексемы, которые приобретают негативную коннотацию за счет несоответствия их прямого значения, реализуемого в контексте, и сущности описываемого объекта действительности. Следующие существительные, выполняющие синтаксическую роль обращения в тексте – *baggage*, *insect*, *creature*, *claws*, *you cat* – если не полностью исключают грамматическую категорию одушевленности, то, по крайней мере, стирают самые яркие ее черты. С помощью данного лексико-морфологического приема отражается пренебрежительное отношение профессора Хиггинса к Элайзе.

Ask this baggage to sit down [4, с. 21]. Presumptuous insect [4, с. 59]! The creature IS nervous, after all [4, с. 59].

Реакция Элайзы на подобное обращение до эксперимента реализуется в сложноподчиненном предложении с придаточным условия: *I won't be called a baggage when I've offered to pay like any lady*. Условие, созданное здесь конструкцией *not a baggage – when to pay*, раскрывают то, как Элайза воспринимает себя через призму разворачивающихся вокруг нее событий окружающего мира, через призму интеракции с членами общества, в котором она живет. Она не отрицает того, что сейчас она не является «baggage».

Но постепенно ее самооценка, подкрепленная высокими моральными принципами, которыми она изначально обладала, начинает повышаться. Чем выше растет ее самооценка, тем больше ей осознавать свое положение в обществе, хотя она и не хочет в этом признаться. Если до начала эксперимента она не задумывалась об отношении к ней членов высшего света, то после него она оказывается в прямой зависимости от него. Элайза всячески пытается доказать обратное. Наиболее экспрессивной ее речь делают анафоры, лексические повторы и отрицательные формы сказуемого.

I don't care how you treat me. I don't mind your swearing at me. I don't mind a black eye: I've had one before this. But I won't be passed over [4, с. 77].

Но сопоставление себя с представителями высшего света, выраженное в частом употреблении местоимения «you», «you», делают все ее попытки доказать свою независимость тщетными.

... but I owe so much to you that I should be very unhappy if you forgot me. If I only COULD go back to my flower basket! I should be independent of both you and father and all the world! Why did you take my independence from me? Why did I give it up? I'm a slave now, for all my fine clothes [4, с. 79]. I'm nothing to you [4, с. 60]. You want me back only to pick up your slippers [4, с. 76].

Модальные глаголы *could*, *should* и союз *if*, реализованные в составе предикатива в сослагательном наклонении, указывают на нереальность осуществления ее желаний, невозможность вернуться к прежней жизни, так как Элайза теперь неразрывно связана со своей новой жизнью.

Действия, мысли и намерения Элайзы также позволяют нам судить о степени эволюции ее моральных установок.

Диалог, возникающий между Хиггинсом и Элайзой и до, и после эксперимента представляет собой совокупность тактик речевого поведения в конфликтной ситуации. Убеждая профессора согласиться обучать ее, героиня апеллирует к его разуму, и приводит аргументы в свою пользу в рамках той сложившейся системы ценностей, которые, по ее мнению, господствуют в обществе.

I'm come to have lessons, I am. And to pay for em too: make no mistake [4, с. 21].

Don't I tell I'm bringing you business [4, с. 21]? Well, here I am ready to pay him – not asking any favor... [4, с. 21].

Синтаксическая структура предложений соответствует их содержанию. Они кратки, отрывисты и мало распространены, их очевидная структурная синкопированность создает сильную эмоционально-экспрессивную нагрузку в рамках данной пьесы Б. Шоу.

Дискурсу, описывающему события после проведения эксперимента, характерен усложненный синтаксис, свидетельствующий о сложных эмоциональных переживаниях Элайзы, коннотативная лексика с сильной отрицательной эмоциональной окраской и рядом контекстуальных синонимов: *smash, hit, kill, wound; rage; brutal*.

Because I wanted to smash your face. I'd like to kill you, you selfish brute [4, с. 59].

Стилистическая нагрузка приобретает надконтекстуальный характер. Элайза выражает свои мысли посредством развернутой метафоры, в которой зашифрована информация об изменившемся мировосприятии девушки.

Well, I am a child in your country. I have forgotten my own language, and can speak nothing but yours [4, с. 74]. You have wounded me to the heart [4, с. 63].

Двойкой интерпретацией обладает высказывание *throw herself into the river*.

She passed the night partly walking about in a rage, partly trying to throw herself into the river and being afraid to... [4, с. 69].

Помимо своего прямого значения его также можно воспринять как эвфемизм, обозначающий «покончить с собой». Таким образом, речь Элайзы грамматически, лексически, а также прагматически усложняется, становится более разнообразной, вмещающей в себя переосмысленное мировосприятие, осознание своего предназначения в жизни и утверждении системы новых ценностных установок. Общая стратегия речевого поведения Элайзы тоже претерпела определенные изменения. Если раньше она позиционировала себя как обособленную личность, то сейчас ее реплики ориентированы на картину складывающихся взаимоотношений ее с внешним миром: *You shied them at me. It is you who; You have wounded me; in your country; nothing but yours*.

Таким образом, главная героиня развивает в себе систему ценностей, отра-

жающихся через призму ее нового мировоззрения, главное место в котором занимают уважение со стороны представителей высшего света и стремление быть воспринятой ими как равной.

Библиографический список

1. Grene N. Bernard Shaw: A Critical View. – London : Macmillan, 1984. – 173 p.
2. Mugglestone L. Shaw, Subjective Inequality, and the Social Meanings of Language in Pygmalion // The Review of English Studies. – New Series. – Vol. 44, № 175 (Aug., 1993). – URL: <http://www.jstor.org> (дата обращения: 23.11.2015).
3. O'Donnell N. On the «Unpleasantness» of «Pygmalion». – Shaw Bulletin, 1955. – 168 p.
4. Shaw B. Pygmalion // The Pennsylvania State University, Electronic Classics Series. – URL: <http://mavjibhai.com/pygmalion-penn-ebook.pdf> (дата обращения: 15.11.2015).
5. Stanley S. The Ending of Pygmalion: A Structural View // Educational Theatre Journal. – Vol. 16, № 1. – URL: <http://www.jstor.org> (дата обращения: 17.11.2015).
6. Varol, Devrim. Male Sculptors in the Molding of Eliza Doolittle in Bernard Shaw's Pygmalion // The Journal of Academic Social Science. – URL: <http://oaji.net/articles/2014/501-1405333486.pdf> (дата обращения: 25.11.2015).
7. Самситова Л. Х., Ижбаева Г. Р. Модель индивидуально-авторской концептосферы (на материале повести М. Карима «Долгое-долгое детство») // Вестник Башкирского университета. – 2014. – Т. 19. – С. 158–163.

Bibliograficheskiy spisok

1. Grene N. Bernard Shaw: A Critical View. – London : Macmillan, 1984. – 173 p.
2. Mugglestone L. Shaw, Subjective Inequality, and the Social Meanings of Language in Pygmalion // The Review of English Studies. – New Series. – Vol. 44, № 175 (Aug., 1993). – URL: <http://www.jstor.org> (дата obrascheniya: 23.11.2015).
3. O'Donnell N. On the «Unpleasantness» of «Pygmalion». – Shaw Bulletin, 1955. – 168 p.
4. Shaw B. Pygmalion // The Pennsylvania State University, Electronic Classics Series. – URL: <http://mavjibhai.com/pygmalion-penn-ebook.pdf> (дата obrascheniya: 15.11.2015).
5. Stanley S. The Ending of Pygmalion: A Structural View // Educational Theatre Journal. – Vol. 16. – № 1. – URL: <http://www.jstor.org> (дата obrascheniya: 17.11.2015).
6. Varol, Devrim. Male Sculptors in the Molding of Eliza Doolittle in Bernard Shaw's Pygmalion // The Journal of Academic Social Science. – URL: <http://oaji.net/articles/2014/501-1405333486.pdf> (дата obrascheniya: 25.11.2015).
7. Samsitova L. H., Izhbaeva G. R. Model individualno-avtorskoy kontseptosferyi (na materiale povesti M. Karima «Dolgoe-dolgoe detstvo») // Vestnik Bashkirskogo universiteta. – 2014. – Т. 19. – С. 158–163.

© Трофимова В. А., 2016